

ДЕБЮТ

*Виктория
Косникова*

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В УСЛОВИЯХ ТРИЛИНГВИЗМА

Для современного Казахстана важным социально-политическим процессом является переход к трилингвизму, который осуществляется путем пересмотра существующей системы образования и внедрения в обучение методик, позволяющих школьником освоить английский, казахский и русский языки, свободное владение которыми уже сейчас необходимо казахстанцам. В такой обстановке уроки литературы будут иметь особое значение.

Переход к трилингвизму предполагает возможность учителей русского, казахского и английского языков работать с одним и тем же текстом, что позволяет рассмотреть лингвистические и стилистические особенности каждого языка в отдельности. Такой подход к обучению способствует повышению заинтересованности учеников, как в мировой литературе, так и в расширении собственных языковых познаний и рамок лингвистики в целом. Читающий произведения мировых классиков на трёх языках ученик пополняет свой словарный запас, находит собственное прочтение текста, а возможно, и становится частью некой переводческой системы, создавая авторский перевод, опираясь на полученные знания.

Мной проведен опрос среди учащихся КГУ «ОШ №124» г. Алматы в формате анкетирования, цель которого – получение информации об уровне владения языками среди школьников, их взгляде на актуальность трилингвизма в современном мире. В опросе участвовали ученики 5-11 классов в количестве 363 человек. По результатам исследования 31% учеников – билингвы, абсолютное большинство которых – учащиеся казахских классов. 28% участников опроса плохо говорят на казахском языке, большинство (72%) говорит свободно или может поддержать беседу на общие темы. Среди уровней владения английским языком преобладает Pre-Intermediate (ниже среднего). Intermediate (средний) – самый распространенный уровень владения английским языком среди выпускников школы. 94% учащихся осознают необходимость владения несколькими языками в современном мире, но всего 16% занимаются языком дополнительно, вне школы. 1% опрошенных читает художественные произведения в оригинале на английском языке. Заинтересованность в изучении языка посредством прочтения художественных произведений выразили 83% участников опроса, что указывает на целесообразность изучению языков и культур предложенным выше способом.

Для достижения цели необходимы качественные переводы и анализы стихотворений. В данный момент остро ощущается их нехватка. При переводе на русский язык казахских и английских текстов материал интерпретируется, порой утрачивая одни и приобретая иные смыслы. Неизменной информацией можно воспринимать только на языке оригинала, что доставляет некие трудности при переходе к новой языковой системе в нашей стране. Значимость данной исследовательской работы заключается в рассмотрении проблемы перехода к трилингвизму в Казахстане, а также привлечении внимания молодежи к литературе, мировой культуре, истории через переводческое дело.

Основной целью статьи является исследование способов сохранения неповторимости оригинала художественного произведения при переводе, а предметами изучения послужили переводы произведений казахских жырау на русский язык, автопереводы Бродского на английский язык и сонеты Шекспира в переводе на казахский и русский языки. Ниже представлены наиболее значимые результаты исследования.

ПЕРЕВОД С ПЕРЕВОДА КАК СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

В истории перевода мировой литературы на казахский язык существует такое явление как «перевод с перевода». Язык-посредник, русский язык, долгое время был чуть ли не единственным способом «заставить» зарубежную литературу заговорить на казахском. Ярчайшим примером данного явления считаю переводы сонетов Шекспира на казахский язык, выполненные М. Макаатаевым [1] и Х. Ергалиевым [2] с перевода Маршака в 1970 и 1973 годах соответственно.

Для проведения сопоставительного анализа мной выполнены подстрочные переводы сонетов Макаатаева, представленные в работе. Проанализировав 3 и 6 сонеты Шекспира на казахском языке, обращаю ваше внимание на следующее:

В третьем сонете переводчики отразили казахское мировоззрение: перевод Ергалиева, например, звучит назидательно (замечу, что у Маршака сонет носит форму философского рассуждения). Строки Қартайғанда сен де теріс демессің, / Жастық шақтың қадір сыйынуға алған следует трактовать как наказ: все эти наставления нужно воспринимать сейчас, в юности, так как в старости ты уже не сможешь этого сделать.

Макаатаев меняет местами третью и четвертую строки, сглаживая переход от одной темы к другой: И, если повторить не поспешишь / Свои черты, природу ты обидишь, / Благословенья женщину лишишь... заменяется на дословное «Если ты не поспешишь повториться, ты лишишь благословенья женщину. Ты должен понимать, что природу ты этим обидишь» (Қайталауға асықпасаң сен егер. / Суынар да сүйген әйел аймалап, / Табиғат та өкпелер деп сене бер). Такая замена не только делает строки более естественными для понимания казахоязычного читателя, но и, как и в предыдущем примере, превращает предложение в явное назидание.

Фразу «И, если повторить не поспешишь свои черты...» Макаатаев интерпретирует следующим образом: Таस्ताуға асық тіршілікке бейнеңді, / Қайталансын бұл өмірге келгесін (Торопись бросить свой облик обыденности - пусть повторится, раз пришел в эту жизнь). Переводчик делает фразу присущей казахскому менталитету, заменяя «если» в рассуждении Маршака о предназначении жизни на наказ.

Какая смертная не будет рада отдать тебе нетронутую новь? в переводе Ергалиева звучит как Қандай әйел жас құшағын ашпас-ау, пәк тәніне қол тимеген болса да... (Какая женщина не раскроет тебе молодых объятий, даже если ее непорочного тела не касалось и руки). Переводчик с поразительной точностью передает замысел

автора, сохраняя в синтаксической структуре предложения, как вопросительное слово, так и вопросительно-восклицательную интонацию.

Интерпретация Ергалиевым строки «Или бессмертия тебе не надо?» оказалась весьма интересной: Кажет десең, даңқ сенен қашпас-ау, что на русский язык переводится как «Скажешь, известность от тебя не убежит». («или» превращается в «кажет десе» - «если говорить / если предполагать», а «не надо» - в «қашпас-ау» («не убежит»)). Слово «бессмертие» Ергалиев не употребляет совсем, несмотря на то, что в казахском языке существуют точные его переводы (өлмейтіндік; өлмес, өлімсіздік; өшпес, ажалсыздық, мәңгі). Переводчик предпочел поменять его на слово «даңқ», имеющее следующие значения: 1. Известность / слава; 2. Имя / прозвище.

Если Ергалиев говорил об исчезающих весенних днях (Көп бұрыңғы көктем шақта жоғалған), то Макаатаев пишет «прощеголявшие дни» (Қалған сонау сұлқым күндер), что полностью передает атмосферу оригинала и добавляет легкости строке. Также он вводит метафору «лағыл жан» («рубиновая душа»), отсутствующую в оригинале, в значении «огненная душа» (Сен ананың жанары үшін – лағыл жан – дословно: Для глаз матери твоей ты - рубиновая душа). Вопрос бессмертия Макаатаев выражает метафорой «отыңның өшпеуі» - «огонь не угас». Переводчик часто упоминает огонь - священный символ казахов.

Макаатаев толкует фразу «Природу ты обидишь» как «Бос таптама табиғаттың денесін» (Зря не ущемляй материю природы), выражая таким образом важность природы, уважения к ней и дарам ее для степного народа.

Переводчики вводят отсутствующие в оригинале обращения «Байқа, жігіт» (Ергалиев) и «Бәстігейін» (Макаатаев), присущие поэзии жырау. Пример: Өміріңді тағдырың меншектесең, / Бәстігейін, ізсіз-түзсіз кетпесең! (дословно: Если ты ограничишь жизнь своей судьбою, / Держу пари, бесследно можешь исчезнуть!) В наших случаях целью переводчика назовем адаптацию исходного сонета к пониманию иноязычными читателями. Макаатаев делает небольшие поправки там, где этого требуют особенности казахского мироощущения.

При переводе шестого сонета Шекспира Ергалиев и Макаатаев учли особенности быта степных народов для улучшения восприятия смысла стихотворения.

Строки Смотри же, чтобы жесткая рука / Седой зимы в саду не побывала Макаатаев интерпретирует как Байқағайсың, суық қолды суман қыс, / Бағың акеп, бөктірмесін қырманға (Смотри, чтобы проворная зима с холодной рукой, к твоему счастью, не промочила твое гумно). Вкладывая в строку близкий каждому казаху смысл, он сравнивает смерть с промоканием гумна. Зимний запас корма, ставший непригодным, означает голод скота и трудное время для народа.

Проблемы возникли при переводе строки с отсутствующим в казахском языке словом «фиал» (Весну не перельешь в хрусталь фиала): Макаатаев перевел строку следующим образом: Көктемінді бөлеп нәзік нұрларға (Твою весну охватив нежными лучами). Переводчик заменяет оригинальный оборот, означающий передачу своей жизни, идей и ценностей новому поколению - своим детям, на нейтральный, наделяя его новым смыслом, но, не выражая идеи Шекспира. Ергалиев же слово «фиал» не переводит вообще и интерпретирует фразу как Көктем жерге күні бұрын бұқпасын (Не вернутся эти дни весенние). Как мы видим, в данном случае отсутствие слова в переводном языке не разрушает смыслового строения стихотворения.

Ергалиев добавляет метафору «алжыған қыс» («сумасшедшая зима») с целью усилить образ седой суровой зимы, изменив эмоциональный фон строки. Зима шекспировской Англии - мягкая, теплая, степная же, напротив – холодная, «бешеная». Структура переводов сходна: существуют общие понятия, присущие как ергалиев-

скому, так и макаатаевскому переводу. Об этом говорят целые фразы (Ергалиев: «...бақта суық қолын сұқпасын.» и Макаатаев: «...суық қолды суман қыс, бағың акеп...»). Оба переводчика используют слово «весна» («көктем») вместо «апрель».

Перевод с перевода - одно из самых неоднозначных явлений отечественного переводческого дела. В основе стихотворения лежит ритмический принцип - построение речи на основе чередования и соразмерности ударных и безударных слогов. Стихосложение делится на несколько основных групп: силлабическое тоническое и силлабо-тоническое. Если для русской поэзии более логично силлабо-тоническое стихосложение, а национальной форме английского стихосложения ближе тоническое, то для казахского языка характерна силлабическая система [3]. От системы стихосложения зависит структура стихотворения. Вот в чем ценность того, что переводы стихотворений с казахского на английский язык и наоборот, в большинстве своем выполнены через язык-посредник: русский язык объединяет в себе уникальность обеих форм. Несмотря на то, что на стихотворение, проходящее через руки переводчиков, накладывается отпечаток человеческого фактора, и каждая последующая интерпретация отдаляет его от оригинала, переводчики дали нам возможность познакомиться с произведениями великого английского классика на десятилетия раньше. Возможно, это и стало толчком к дальнейшему развитию переводческого дела в нашей стране.

БИЛИНГВА КАК ЧАСТЬ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Второй предмет исследования – автопереводы Иосифа Бродского [4]. В ходе работы изучено 29 переводов его стихотворений. Некоторые из переводов создал сам автор, проживший не один год в Соединённых Штатах. К ним относятся многие стихотворения цикла «Часть речи» [5]. В своих автопереводах Бродский сумел совместить культуру и форму двух народов, привнести нечто своё, русское, в английскую поэзию, создав свой уникальный стиль, поднимающийся над национальным восприятием. Ритм и метрические особенности стихотворений Бродского были полностью сохранены при переводе благодаря собственному авторскому видению. Но и у него возникали проблемы с построением верного ассоциативного ряда у иностранцев. Взглянем на то, как поэт решает проблему, как эволюционируют стихотворения, какие "потери" они несут и какие новые оттенки получают.

Рассмотрим отрывок стихотворения из сборника «Часть речи» «То не муза воды набирает в рот...» (М.Б.) («Folk tune») [6]:

В стихотворении «То не муза воды набирает в рот...» поэт меняет «Варяг» на «Тирпиц». Сравните: ...но и в черном пруду из дурных коряг / я бы всплыл пред тобой, как не смог "Варяг". И ...and from black gnarledsnags in the oil – smooth pond/ I'd bob up to your face as some Tirpitz won't. Историческая сноска на «Варяг» - крейсер ВМФ России во времена русско-японской войны, понятна русскоязычному читателю. На мой взгляд, «Тирпиц» - не самая удачная замена – глубина, патриотическая суть образа утрачиваются. Думаю, именно заметив невозможность передачи русских национальных черт современными средствами выразительности английского языка, поэт решает переименовать стихотворение в «Folk tune», что означает «Народный мотив», заранее настраивая читателя на нужный лад.

В стихотворении "Север крошит металл, но шадит стекло..." Бродский подобным образом меняет Седова (Седов Георгий Яковлевич, глава неудачной экспедиции на Северный полюс, трагически погиб) на Скотта (один из первооткрывателей Южного полюса. Члены экспедиции трагически погибли на обратном пути), сохранив для иностранцев мотив трагической смерти лирического героя. Здесь замена полностью

оправдана: ...все отчетливой раздается снег / и чернеет, что твой Седов, "прощай". Бродский переводит как... "Farewell!" darkenslike Scott wrapped in a polar storm (дословно «"Прощай" темнеет как Скотт, закутанный в полярную метель»).

В стихотворении «1 января 1965 года» строки «почувствуешь, что сам - чистосердечный дар» меняются на «you realize: your life is as heer gift», а «неверие в чудеса» переводится как неверие в святого Николаса – Санта Клауса. Для иноязычных читателей поэт значительно упрощает, сужает некоторые понятия, которые могут вызвать у них затруднения в понимании смысла стихотворения, когда русскоязычный читатель имеет возможность вслушаться, вдуматься, понять.

Слово «гражданин» в английском варианте стихотворения «Я всегда твердил, что судьба – игра...» [7] Бродский меняет на «лояльный субъект» (дословно): «Гражданин второсортной эпохи, гордо / признаю я товаром второго сорта / свои лучшие мысли...» соответствует «A loyal subject of the sessecond-rateyears, / I proudly admit that my finest ideas / are second-rate...» Корни данной замены кроются не только в американском менталитете, но и в особенностях понимания такого слова как «Гражданин» самим поэтом. Будучи гражданином Советского Союза, Бродский называет себя «Гражданином второсортной эпохи», иронизируя по поводу времени, строя и политики. В то время как другие поэты гордились тем, что жили в такой великой державе (вспомним «Стихи о советском паспорте» Маяковского), Бродский не был ею доволен.

Некрасов придавал слову «гражданин» возвышенное значение, требовал от поэта не только художественного таланта, но и определенного уровня гражданственности, как некой идеологии. Значение слова в понимании русского человека меняется с течением времени, с его мироощущением. «Гражданин» Бродского совершенно иной. Поэт сохранил структуру восприятия строки, передав свой взгляд на советскую действительность иностранцам буквально в двух словах.

Как и при переводе сонетов Шекспира, невозможно передать иностранцу смысл произведения настолько, чтобы восприятие его и носителя языка оригинала полностью совпало. Для верного понимания произведения читателю необходимы познания в истории и культуре, что усложняет ситуацию. Решая проблему, Бродский сам изучает все нюансы и «подстраивает» стихотворение под определенный менталитет. Нередко переводчик долго изучает стиль, биографию, традиции народа поэта и писателя перед началом работы. Это помогает максимально приблизить перевод к оригиналу.

Порой Бродскому приходилось переписывать и моменты, связанные со значимыми историческими событиями. Считаю, что такой ход может позволить себе только сам автор - переводчику корректнее будет сделать сноску. Совместив в себе поэта, переводчика и редактора, Бродский дополняет свои стихотворения деталями, не присутствующими в оригинале. В нашем случае это можно считать поэтической вольностью. Такие дополнения, новые оттенки метафор и сравнения, близкие западной душе, делают суть произведений понятнее для иностранцев, в чем мы только что убедились.

ПОЭЗИЯ ЖЫРАУ КАК ОБРАЗЕЦ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ КАЗАХСТАНА

Поэзия жырау - одна из важнейших тем изучения в казахской литературе. В устной литературе хранится мудрость, накопленная за многовековую историю существования казахского народа. Переводчики проделали колоссальную работу, чтобы запустить диалог и взаимообогащение казахской и русской культур. Постигание

чужого менталитета нужно начинать именно с устного народного творчества. В нем наиболее ярко отражен национальный колорит, передача которого и является одной из основных задач переводчиков. Поэтому для приобщения к культуре казахского народа были выбраны бессмертные творения Асан Кайгы (XIV-XV вв.), Казтуган жырау (XV в.) и Бухар жырау (1668-1781 гг.). Эти выдающиеся люди творили в эпоху консолидации казахов в единую народность, в которой совместно с государственностью сформировалась плеяда замечательных певцов-сказителей отразивших в своем творчестве многообразие жизни и осмысления народом своего места в историческом процессе.

Ауэзхан Кодар писал, что «точность перевода, верность оригиналу это не буквализм. Это в первую очередь понимание и следующая за ним интерпретация и естественно, надо считаться с особенностями языка оригинала и языка-реципиента. Только в таком случае перевод обречен на успех, а во всех остальных случаях это никому не нужная отписка. И самое главное, надо чтобы переводчиком был билингв, т.е. тот, кто владеет двумя языками и одинаково способен к творчеству на каждом из них» [8]. Рассмотрим два перевода: Вс. Рождественского [9], который делал перевод с подстрочника, и О. Жанайдарова [10] – билингва.

В стихотворении «Көлде жүрген қоңыр қаз» Асана Кайгы присутствует строка «Қыр қадірін не білсін». Понятие «степь» во времена жырау переводилось как «кыр», а не привычное нам «дала». В этом наблюдается лабильность языка. Слово сочетание «қадірін білу» дословно переводится как «знать достоинство». Чтобы стихотворение звучало на русском языке правильно с точки зрения стилистики, Рождественский переводит данное словосочетание как «знать цену», а Жанайдаров – как «понять».

«Су қадірін не білсін?!» дословно переводится как «Что, знает ценность воды?!». Слово «вода» Рождественский и Жанайдаров обыгрывают по-разному: «озеро» и «гладь водная» соответственно. Жанайдаров избегает повторов слов, таким образом придавая стихотворению выразительности.

«Ауылдағы жамандар» («дурные аульные люди») понятно любому казаху, однако объяснить его представителям других этносов весьма проблематично. В перевод строки «Ауылдағы жамандар, / Ел қадірін не білсін» переводчики вложили собственное понимание, уточнив ее смысл для русскоязычных читателей: Жанайдаров назвал таких людей аульными болтунами, а Рождественский высказался кратко и лаконично: пустословы («Откуда любим пустословам в ауле / Цену достойным знать!») и «Как аульным болтунам / Родину свою понять?» в русских эквивалентах стихотворения) Слово «ел» в этом же предложении имеет несколько значений: страна, родина, родной край, люди, народ, население. Переводчики воспринимают его по-разному: Рождественский посчитал, что речь идет о народе – «достойных», а Жанайдаров мыслит шире, говоря о Родине.

Перевод заключительной части («Көшсе, қона білмеген, / Қонса, көше білмеген, / Айтқаныңа көнбеген, / Жұрт қадірін не білсін?») разнится больше всего. Понятие «көшу-қону» означает «перекочевка», дословно переводится как «кочевка-остановка». Жырау разделяет эти термины в четырех заключительных строках, переводящихся следующим образом: «Те, кто кочует, не зная остановок, / Те, кто останавливается, не зная кочевков, / сказанное не слушающие знают ли достоинство народа?!».

Жанайдаров отводит на интерпретацию пять строк вместо четырех оригинальных для раскрытия смысла, и здесь он был более точен. Жанайдаров сохраняет противопоставление «кочевка-ночевка», полностью теряющееся у Рождественского и игру с одинаковыми глагольными формами: знать-ночевать-откочевать-понять взамен оригинальному білмеген, білмеген, көнбеген.

В предшествующей данному отрывку части точнее был Рождественский. Он полностью сохраняет исконный стиль и своеобразие рифмы, создавая определенный ритм только в заключительном четверостишии, как и сам Асан Кайгы. Оба переводчика используют художественные тропы языка, придающие стихотворению выразительность и образность. Так появляются «озерный дикий гусь», «вольная степь», «пешая серенькая дрофа», «глупцы» и «пустословы».

Представляет интерес постановка знаков препинания в конце предложений поэтом и переводчиками. Асан Кайгы свое негодование выражает через вопросительно-восклицательную интонацию наподобие «Они что, знают достоинства всего этого?!». Вс. Рождественский передает эту мысль как: «Откуда им знать!», оставляя исключительно восклицательные интонации. Жанайдаров же усиливает эмоциональный переход, используя всевозможные интонации. Если разделить стихотворение на три части, то первую часть он пишет утвердительными предложениями («не понять»). Следующие четыре строки переводчик задается вопросами («Как же им все это понять?»), а заключительная часть - одно сложное предложение, главная часть которого имеет восклицательную структуру («Если не хотят и знать, / Где кочевью ночевать, / Иль куда откочевать, / Этим дурням бестолковым / Как же свой народ понять!») (Жанайдаров)

В стихотворении «Бұл заманда не ғаріп?» Асана Кайгы особый интерес представляют строки «Замандасы болмаса, / Қариялар болар тез ғаріп». «Замандас» по-русски звучит как «современник». Переводчики конкретизируют мысль, говоря о старце «без друзей», «утратившем родных»: «Старцы, утратившие родных / И заботу близких, несчастье». (Рождественский) и «Плохо старцу без друзей» (Жанайдаров).

Перевод жыр «Мадақ жыры» Казтуган жырау Рождественский начинает со слов «Мыслителя лоб», у Жанайдаров – «Чело исполина», так как для русского человека фраза «Бұдырайған екі шекелі» – «два выступающих виска» будет непонятна.

Жанайдаров переводит название стихотворения, как «Хвалебная песнь» – национальное «жыр» не сохраняет. Рождественский не переводит название стихотворения. Жанайдарову понадобилось 19 строк, чтобы полностью раскрыть смысл оригинала, состоящего из 17 строк. Исходную рифму, в противоположность Рождественскому, он не сохраняет, что характерно для его переводов поэзии жырау. Однако перевод Жанайдарова структурно ближе к жыру Казтугана: переводчик, в отличие от Рождественского, старается не использовать местоимение «он»: Последний из биев, / Сын бия-судьи, / Надежда бессильных в грозные дни. / Так ветви грызет разъяренный верблюд, / Так ястреб парит над озером, лют (Жанайдаров) и Он - младший наследник у бия-отца. / Он - клык молодого верблюда-самца. / Он - ястреба коготь над синью озер. (Рождественский) Третье лицо Жанайдаров, как и жырау, обозначает окончаниями (Билер атты би соңы, / Би ұлының кенжесі, / Буыршының бұта шайнар азуы, / Бидайықтың көл жайқаған жалғызы... (Жанайдаров)).

При исследовании выяснилось, что на перевод стихотворений с казахского на русский наибольшее влияние оказали три аспекта

Первый аспект - исконнотюркские обороты, не имеющие аналогов в других языках. «Мадақ жыры» Казтугана изобилует имеющимися исключительно у кочевых народов понятиями: айдасу (помогать в управлении движущимся скотом), қашаған (скотина, нороящая убежать из стада / табуна), құрық (казахский аркан для ловли лошадей с петлей на конце), сырық (длинный шест с развилкой для подпорки юрты при сильном ветре), кенже (младший ребенок в семье), буыршын (молодой

верблюдо-производитель пяти лет), бидайык (общее название ловчих птиц, например, ястреба, кобчика и др.), кәуір (человек, совершающий куфр в исламе). Переводчики обходят такие моменты по-разному: Жанайдаров оставляет все элементы национального колорита непереуведенными, помимо слова «мюрид»: Для диких коней - он длинный курук; Плохо, если вдруг женгей / на свою золовку взьется; Прошел меж кафыров и мусульман, а Рождественский чаще всего интерпретирует термины обобщенно, переводя курук – как «повод», «женге» как «тетка»: Он сдержит строптивых коней в поводу («Мадак жыры»), Тетка, не ценящая родню, / Для девушки взрослой - несчастье ("Бұл заманда не ғаріп?")

В «Мадак жыры» фразу «Мұсылманмен кәуірдің арасын өтіп бұзып дінді ашқан» Жанайдаров переводит как: «Прошел и религии разъединил». Рождественский обошелся словами об «особом пути». На мой взгляд, причина столь существенных различий в том, что перевод Рождественского был сделан в советское время. Второй аспект влияния – время перевода. Цензура требовала от поэтов и переводчиков нахождения в определенных рамках: Рождественский умело обходит некоторые темы, неприемлемые для советской эпохи. Жанайдаров же выпустил свои переводы в девяностых годах прошлого века и имел больше свободы действий: в этом случае эпоха и государство не вынуждали переводчика обходить острые углы.

Третий аспект, влияющий на перевод произведений казахских жырау – авторские метафоры, такие как «Қалайылаған қасты орданың сырығы» в «Мадак жыры» - «луженобровый сырык орды». Думаю, под словом «лужение» жырау имел в виду седину, мудрость. Рождественский интерпретирует метафору как «Он держит на сильных плечах всю орду», Жанайдаров – «Орде он – опора». В жыре «Асқар таудың өлгені» есть строка «Еңкейіп барып батқаны», переводящаяся дословно как «Согнутый уход, погружение в воду». Выделю Жанайдарова, заменяющего все это сложным словом «закат-уход». Примечателен перевод строки «Өлмегенде не өлмейді»: Рождественский находит удивительно точный аналог непереуводимой игре слов жырау: «Чей вечен век?»

Подведем итог. Мы рассмотрели эволюцию литературного процесса сквозь призму национального характера. Изучению подверглись труды представителей Англии XVI века (Уильям Шекспир (1564–1616)), Казахстана XIV–XVIII веков (Асан Кайгы, Казтуган-жырау, Бухар-жырау) и России XX века (Иосиф Бродский (1940–1996)). Проведя исследование, основываясь на произведениях представителей разных народов, мы сумели обнаружить их взаимосвязь и взглянуть на литературу под новым углом - культурно-историческим. Благодаря переводчикам мы получили возможность прикоснуться к мировому наследию во всем его разнообразии: окунуться в реалии шекспировской Англии XVI века, увидеть широкую, как степь, казахскую душу в жыре Казтугана, Асана Кайгы и Бухар-жырау, открыть для себя иную сторону советской эпохи через стихотворения Бродского. Приобщаясь к великим культурам, мы чувствуем уникальность и самобытность каждой из них, находим высший смысл такого искусства как поэзия.

Да, художественное произведение не может оставаться неизменным при переводе, но правки порой действительно необходимы. Адаптация смысла произведения к пониманию представителями иного менталитета проходит в двух направлениях: внесение черт национального колорита переводного языка, ярким примером чего являются переводы сонетов Шекспира на казахский язык, и интерпретация непереуводимых оборотов, что прослеживается в адаптированном переводе Рождественского и заимствованиях Жанайдарова.

Философы всех времен сетовали на нравы: вспомним знаменитое «O tempora, o mores!» - предвестник падения Римской империи. В современном мире тему падения нравов оставят не скоро, однако хочется верить в возможность приближения нами такого момента путем работы в сфере культурологи. Именно поэзия жырау, являющая собой образец культурно-исторического наследия нашей страны, имеет полное право выхода на мировую арену, но данный аспект отечественной литературы изучен слабо. Также на современном этапе не виден диалог между казахоязычной и русскоязычной литературами. Уникальные по своим характеристикам автопереводы Бродского доказывают, что переводчики-билингвы могут стать мостами между казахской и русской литературами. Это поможет разобраться в непростой, но уникальной культурной обстановке нашей страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мұқағали Мақатаев. (құрастырушылар: К. Ботбай, Б. Айданова) «Мұқағали. Жыр кітабы». – Алматы, «КАЗақпарат», 2012. 670, 672 бет.
2. «Уильям Шекспир» құрастырушы – А. Назырбаев. Аудармашылар: М. Ауэзов, Х. Ергалиев, А. Кекілбаев. - Астана. «Аударма» баспасы, 2004. 610, 611 бет.
3. Ахмет Байтұрсынов. «Әдебиеттанытқыш» (1926). – Алматы, «Атамұра», 2008. стр. 192
4. И. А. Бродский. Собрание сочинений на английском языке <https://www.poetryfoundation.org/poets/joseph-brodsky>
5. И. А. Бродский. Сборник «Часть речи» <http://lib.ru/BRODSKIJ/chastx.txt>
6. Joseph Brodsky. «A part of speech» <https://www.poetryfoundation.org/poems/57940/a-part-of-speech>
7. И. А. Бродский. Сборник «Конец прекрасной эпохи» http://bookscafe.net/read/brodskiy_iosif-konec-prekrasnoy_epohi-214651.
8. А. Кодар. «Избранное». Введение <http://tamyр.org/?p=2872>
9. М. М. Мағауин. «Поэты пяти веков. Казахская поэзия XV - начала XX вв.» - Алматы. «Жазушы», 1993. стр.: 28, 31, 32, 77.
10. О. К. Жанайдаров. «Озера степные. Два тысячелетия казахской поэзии». – Алматы. «Раритет», 2008. стр.: 82, 83, 88, 148, 238-242.

Косникова Виктория Вячеславовна - ученица 11 класса КГУ «ОШ №124» г. Алматы. Двукратный победитель городской олимпиады по общеобразовательным предметам (секция «Русский язык и литература»); двукратный призер республиканской олимпиады по общеобразовательным предметам (секция «Русский язык и литература») 2017 год - II место, 2018 год - II место), победитель городского и республиканского конкурсов научных проектов 2017-2018 учебного года; призер научной конференции 2017 года «Туризм в Казахстане: возможности, проблемы, перспективы» (II место); победитель конкурса научных работ «TuranschoolScienceproject» 2018 года (секция «Языкознание»); призер международного конкурса «Русский медвежонок – языкознание для всех» (II место); победитель в номинациях «Прикладная значимость проекта» в XV городском конкурсе научных работ среди учащихся школ «Turan-junior – 2017» (секция «География, туризм, краеведение») и «Оригинальность темы исследования» в конкурсе «Ветер странствий – 2017», участник межвузовской студенческой научно-практической конференции «Социум, молодежь, личность - в мысли и деятельности».

